

“ИЗВИНИСТАН”: ПУБЛИЧНЫЕ ИЗВИНЕНИЯ И МОРАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНЕ

Е.Л. Капустина, Е.А. Хонинева

Екатерина Леонидовна Капустина | <http://orcid.org/0000-0002-7024-0072> | parlel@mail.ru | к. и. н., заведующий отдела этнографии Кавказа | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Екатерина Александровна Хонинева | <http://orcid.org/0000-0001-9964-5375> | ekhonineva@eu.spb.ru | к. и. н., младший научный сотрудник | Европейский университет в Санкт-Петербурге (ул. Гагаринская 6/1а, Санкт-Петербург, 191187, Россия)

Ключевые слова

публичные извинения, кошунство, социальные медиа, антропология морали, коллективная ответственность, оскорбление чувств верующих

Аннотация

В статье рассматриваются моральные импликации практики публичных извинений на материалах современного Дагестана. В отличие от большинства специализированных исследований, которые носят в основном лингвистический и политологический характер, в данной статье нас интересует не столько структура официальных извинений как речевых актов и условия достижения их коммуникативного эффекта, сколько вариативность картин морального порядка, которые могут стоять за необходимостью публичных извинений в конкретном культурном контексте, и тот тип морального субъекта, который посредством подобных публичных актов может конструироваться. Материалом для анализа стали: публичные извинения, которые актуальны внутри дагестанского общества; извинения дагестанцев за пределами республики; случаи извинений перед самими дагестанцами. В статье демонстрируется, каким образом распространение практики публичных извинений в Дагестане проблематизировало границы коллективной ответственности, а также связанные с институтом репутации представления о субъекте, его свойствах и агентности, о возможности подчинения и сопротивления социальной структуре.

Информация о финансовой поддержке

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 21-18-00508]

Статья поступила 24.11.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 15.03.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Капустина Е.Л., Хонинева Е.А. “Извинистан”: публичные извинения и моральный порядок в современном Дагестане // *Этнографическое обозрение*. 2023. № 2. С. 111–133. <https://doi.org/10.31857/S0869541523020069> EDN: QWNLUT

Kapustina, E.L., and E.A. Khonineva. 2023. “Izvinistan”: publichnye izvineniia i moral'nyi poriadok v sovremennom Dagestane [The “Sorrystan”: Public Apologies and Moral Order in Today’s Dagestan]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 111–133. <https://doi.org/10.31857/S0869541523020069> EDN: QWNLUT

В ночь с 1 на 2 апреля 2016 г. в столице Калмыкии Элисте произошел резонансный инцидент. По данным СМИ, 22-летний дагестанец Саид Османов, приехавший для участия во Всероссийском турнире по греко-римской борьбе имени героя Советского Союза О.И. Городовикова, во время прогулки по городу оказался около буддийского храма, где справил нужду и изобразил удар по голове статуи Будды. Содеянное транслировалось в социальной сети *Periscope* и тотчас же получило широчайшую огласку. Автора видео без труда идентифицировали, толпы возмущенных калмыков собрались у входа в гостиницу, где размещалась дагестанская делегация, и потребовали, чтобы кошунник был призван к ответу. Тренер команды попытался предотвратить развитие конфликта и принес извинения, но этого оказалось недостаточно. Тогда вышел сам Османов, который был вынужден встать на колени и попросить прощения. Вся сцена с извинениями была записана на видеокамеры смартфонов (В Элисте 2016).

Однако этим инцидент не был исчерпан и получил развитие уже на межреспубликанском уровне. Для принесения извинений в Калмыкию прибыл министр физической культуры и спорта Дагестана Магомед Магомедов, а затем и глава правительства республики Абдусамад Гамидов. В то же время глава республики Рамазан Абдулатипов в официальном письме к главе Калмыкии Алексею Орлову извинился сам и выразил возмущение от имени всех земляков борца:

Безусловно, этот факт находит осуждение среди дагестанцев. К сожалению, невежество, бескультурие и низкий уровень воспитания еще приводят к таким позорным действиям, которые не могут иметь оправдания. <...> Уверен... что этот инцидент послужит усилению работы по духовному и нравственному воспитанию молодежи в республике¹ (Письмо 2019).

Абдулатипов заверил, что эта работа уже началась: министру по физической культуре и спорту Республики Дагестан был сделан выговор, а тренера Османова, Омарасхаба Курамагомедова, показательно уволили.

Случай публичных извинений за осквернение статуи Будды – яркий, но в то же время типичный пример современных ритуальных практик покаяния в Дагестане, в России в целом и за рубежом. Жанр публичных извинений настолько широко распространен в современных западных обществах, что за периодом с начала 1990-х годов закрепилось ироническое название “век извинений” (*Brooks 1999; Gibney et al. 2008*). Свои официальные извинения приносили и политические лидеры за “грехи нации” – за историческую несправедливость в отношении меньшинств, за колониальное угнетение и эксплуатацию, за захват чужих территорий, и Папа Римский за злоупотребления инквизиции в далеком прошлом и сексуальные домогательства клира в совсем недавнем, и знаменитости за неподобающее поведение и некорректные высказывания. Эти и другие примеры публичного признания своей вины за причиненный вред определенным лицам, а иногда и целым группам лиц можно обнаружить в разнообразных социальных контекстах.

Практики публичных извинений, при первом приближении сходные по формальным признакам и коммуникативным целям, закономерно позволяют как поставить вопрос об “эпидемиологическом” характере распространения подобных извинений, так и проинтерпретировать их как свидетельство глобализации норм публичной морали. Однако обсуждение этиологических версий возникновения и распространения этого социального феномена уводит исследовательское внимание в сторону от анализа культурной специфики публичных извинений, а также от социально-политического контекста их бытования и связанного с ним своеобразия их моральных импликаций. Меж тем есть основания пола-

гать, что картины морального порядка и формы социального контроля, стоящие за необходимостью или решением принести публичные извинения, в тех или иных культурах могут значительно отличаться.

Данная статья представляет собой одну из первых попыток антропологического исследования на российском материале проблематики публичных извинений, которая в течение последних двух десятилетий с разной степенью плодотворности обсуждается в академической литературе на примере западных обществ. В отличие от большинства исследований, которые носят в основном лингвистический и политологический характер, нас интересует не собственно структура публичных или официальных извинений как речевых актов и условия достижения их коммуникативного эффекта, но то, какой тип морального субъекта конструируют (или хотя бы предполагают) современные практики публичного покаяния и, шире, какие конфигурации отношений между индивидуальной агентностью и моральными ограничениями они создают. Этот вопрос мы предлагаем рассмотреть на примере нескольких сюжетов обвинений в нарушении нравственных норм, а также публичных извинений в Республике Дагестан.

Публичные извинения и антропология морали

Извинения как ритуалы взаимодействия пронизывают социальную жизнь людей, будучи призваны латать прорехи в поле повседневной морали. Моральный характер любого действия, вербального или невербального, и возможность его отнесения к этически некорректному социолог И. Гофман отразил в своей концепции *virtual offense* – т.е. худшей из возможных интерпретаций действия реципиентом, которая приписывает этому действию некие морально негативные последствия². В такой перспективе взаимодействие между людьми рассматривается как имеющее ритуальную природу, а коммуникативные действия – как имеющие символическое измерение, которое делает доступной демонстрацию почтительного отношения к социальному лицу (собственному или других людей). Извинения же, по И. Гофману, оказываются ритуальным актом коррекционной работы или восстановления моральной полноценности – не только предшествующего действия, но и самого обидчика – и ритуального равновесия между обидчиком и его жертвой (*Goffman 1971: 108–109*). Ритуал извинения предполагает своеобразное расщепление субъекта: с одной стороны, он признает свою вину за нарушение порядка взаимодействия и угрозу лицу собеседника, а с другой – показывает, что он человек обновленный и надежный, что “к нему все-таки можно относиться как к ответственному участнику ритуального процесса и что правила поведения, которые он, по видимости, нарушил, для него святы и непоколебимы”, что “и кодекс [ритуального поведения], и он сам как его приверженец по-прежнему функционируют нормально” (*Гофман 2009: 37*).

Что же меняется в “моральной структуре” практики в результате ее миграции из пространства приватной коммуникации в публичное поле, т.е. когда извинение приносится не собеседнику лицом к лицу, а, например, нации? Одни исследователи, работавшие с материалами официальных извинений в западных обществах, сходятся во мнении, что публичные извинения можно рассматривать как источник моральных значений для “проработки” прошлого, “валидации” опыта жертв исторической несправедливости и разделения коллективной ответственности (*Tavuchis 1991; Barkan, Karn 2006; Nobles 2008*). Другие же обращают внимание на то, как жанр публичных извинений становится предметом для общественных споров об искренности и истинных функциях ритуалов покаяния: направлены ли они действительно на возмещение нанесенного

морального урона в социальных отношениях или же скорее на минимизацию своей ответственности (Lakoff 2001; Kampf 2009).

Однако подобная интерпретация, основываясь на нормативном понимании морали, игнорирует разнообразие ее локальных моделей. Более того, она может послужить хорошей иллюстрацией дискурсивных процессов, которые французский антрополог Д. Фассан назвал “банализацией дискурса морали и нравственных чувств”. В рамках этих процессов язык “страданий” и “травмы” становится языком интерпретации общественных проблем в публичном пространстве, а особое этическое измерение начинает обнаруживаться в широчайшем спектре сфер человеческой деятельности. То ли параллельно процессу “банализации морали” в политической и массовой культуре, то ли в прямой связи с ним этот язык и особая “этическая” чувствительность проникают и в аналитические рассуждения социальных ученых, которые тем самым становятся средством легитимации и нормализации подобной концепции морали (Fassin 2014: 433).

Как кажется, этнографическая специфика современной практики публичных извинений в России, в частности в Дагестане, не может быть удовлетворительно описана с одной лишь опорой на нормативное понимание морали, на котором по большей части основываются социальные и политологические исследования официальных извинений. Если вспомнить базовое теоретическое противопоставление *морали*, понятой как скорее бессознательное подчинение коллективным нормам и кодексам поведения, и *этики*, определяемой как рефлексивное и свободное устремление личности к “благу” или “добру” (см., напр.: Mattingly, Throop 2018), то дагестанский случай, по всей вероятности, стоит интерпретировать в соответствии с первым из указанных определений, т.е. как следствие работы локальной системы моральных ограничений, культурных представлений о чести и достоинстве, института репутации, эмоций стыда, а также связанных с ними практик осуждения и коллективного контроля над поведением индивидов.

В известном смысле дихотомия морали и этики позволяет рассматривать под новым углом фундаментальные вопросы соотношения социальной структуры и агентности (Laidlaw 2017) и, добавим, ритуала и искренности. Хотя мы можем предположить, что в актуальной этнографической реальности коллективные моральные нормы, требующие субординации, и область рефлексивной этической жизни не изолированы друг друга, а находятся в разнообразных темпоральных и дискурсивных отношениях. Ранее нерелексивируемое поведение, руководимое коллективно разделяемыми идеалами, при нарушении морального порядка или при так наз. моральном срыве (Zigon 2007) может становиться предметом индивидуального осознания и даже сомнения, равно как и дискурсивно позиционируемое как сознательный рефлексивный этический выбор может быть формой подстройки под структурные ограничения. И тот и другой случай невозможно плодотворно изучать без учета типа “дисциплинарного общества” (Панченко 2013), в котором воспроизводятся те или иные моральные кодексы и этические практики. При такой постановке проблемы для сравнения с современной российской практикой публичных извинений более релевантными с этнографической точки зрения будут не официальные извинения в Европе и США, “бум” которых пришелся на 1990–2000-е годы, а скорее ритуализованные практики обличения и покаяния в “зрелом” советском обществе (Хархордин 2002). Современные ритуалы публичных извинений, если и не являются прямыми “наследниками” советской культуры покаяния, то, во всяком случае, имеют сущностное сходство с ней в своей прагматике, а именно в функции дисциплинарного контроля общества над своими членами на вертикальном (наказание властей) и горизонтальном уровнях (взаимный надзор).

Поэтика, политика и технологии публичных извинений в Дагестане и в России

Было бы не вполне оправданно утверждать, что практики принесения извинений публично исключительно новы для постсоветской России. Уже начиная с 2000-х годов в федеральных СМИ³ появляются сообщения о раскаяниях на открытых заседаниях суда обвиненных в уголовных преступлениях, а также о публичных официальных извинениях политиков, глав администраций, представителей компаний, других высокопоставленных лиц (за неудовлетворительное выполнение профессиональных обязанностей, за доставленные неудобства, за непредвиденные обстоятельства) – эта практика едва ли сколько-нибудь значимо отличается от подобных практик в европейских и американских масс-медиа.

Примерно с 2015 г. в России получает распространение новый тип публичных извинений. Его принципиальные отличия заключаются в том, что, во-первых, извинения записываются на видеокамеру, во-вторых, приносятся они не только за преступления, для которых предусмотрено наказание Уголовным кодексом РФ, но и за оскорбление тех или иных персон или коллективов, т.е. за проступки, эксплицитно трактуемые обвинителями в моральных терминах. В-третьих, субъектом извинений нового типа становятся не лица, наделенные политическим авторитетом и широкой ответственностью, а “обычные граждане”.

Северокавказский регион в последние годы активно вовлекается в практику публичных извинений и становится площадкой для развития этого жанра. Согласно хронике, которую ведет новостное издание “Кавказский узел”⁴, взрывной рост количества публичных извинений нового типа можно было наблюдать примерно с конца 2015 г. в Чеченской Республике (Хроника 2022). Постепенно эта практика охватила пространство всего Северного Кавказа и прежде всего Дагестан.

Видеоизвинения записываются как под руководством работников МВД, так и по требованию представителей “полиции нравов” – групп низовых активистов, видящих своей целью сохранение и поддержание моральных устоев и культуры поведения в кавказских республиках⁴. Получают распространение и видеоизвинения, которые записывают сами провинившиеся или те, кто считает себя в той или иной мере ответственным за чужой проступок.

Заснятые на камеру покаяния имеют стандартизированный характер: используется фронтальная камера, чаще всего смартфона; извиняющийся (или целая группа) обозначает характер своего проступка; с помощью различных риторических приемов подчеркивается отсутствие в действиях специальных намерений (“злого умысла”); далее следует признание своей вины; и, наконец, кающийся просит прощения у всех тех, кто мог пострадать от совершенного проступка и физически, и в особенности эмоционально (т.е. кого проступок мог *оскорбить*). Данный тип извинений во многом соответствует описанию символических жестов коррекции ситуаций ритуального дисбаланса или “бесчестия”, сделанному И. Гофманом (Гофман 2009: 34–36). В этом отношении симптоматично, что базовое для категориального аппарата И. Гофмана понятие “социальное лицо” оказывается близким по смыслу понятию “честь и достоинство”, как оно определяется в контексте лингвистической экспертизы дел об оскорблении (см.: Колядов 2019). И все же при всей безусловной проницательности предложенной И. Гофманом теории ритуального взаимообмена, интеракционистская

* Общество с ограниченной ответственностью “МЕМО” (издание Кавказский узел) 08.10.2021 внесено в реестр «Средства массовой информации, признанные “иностранными агентами”».

модель не вполне чувствительна к локальным моральным таксономиям и не позволяет исчерпывающе описать поэтику и политику публичных извинений в обществах, где актуальны представления о коллективной чести и практики культивации коллективных эмоций, традиционно обозначаемые в антропологии как *honor and shame*.

Более того, облик современной практики публичных извинений в кавказских республиках во многом оказался обусловлен трансформацией социальных медиа, посредством которых производятся и воспроизводятся действия с приписываемым им злым умыслом и широко распространяется информация о неподобающем и несоответствующем моральным канонам поведении. В итоге число потенциально оскорбленных такими действиями за последние десять лет резко увеличилось. Кроме того, социальные сети стали площадкой для поиска и отслеживания провинившихся и для реализации практик осуждения и обличения. В обществах с устойчивыми представлениями о коллективной ответственности за нарушение социальных норм, новые коммуникативные возможности, предоставляемые социальными сетями, стали востребованы как для разделения коллективной вины за совершенный проступок, так и для оспаривания института репутации. Закономерно, что и ритуалы публичного покаяния оказались локализованы в социальных медиа – в определенном смысле развитие технологий позволило сделать процесс публичных извинений “перед всеми” не метафорическим, а буквальным. На онлайн-платформах даже создаются тематические группы, специализирующиеся на размещении подобных видеоизвинений. Это привело к появлению в сети ироничного названия “Извинистан” для обозначения северокавказских республик, прежде всего Чечни и Дагестана.

Поскольку можно говорить о преимущественно цифровом характере существования этого социального феномена, материалом для данной статьи послужили в первую очередь публикации в социальных сетях и новостных разделах федеральных и региональных СМИ. В фокусе нашего исследования – видео с покаяниями, актуальные внутри дагестанского общества, опубликованные провинившимися и теми, кто посчитал должным разделить с ними моральную ответственность за проступок. Кроме того, мы проанализировали и покаяния дагестанцев, живущих за пределами республики, учитывая тот резонанс, который они вызвали и в Дагестане, и в Российской Федерации в целом, а также случаи извинений перед самими дагестанцами других жителей страны. Контекстуализировать эти материалы позволили также непосредственные наблюдения в ходе многолетней полевой работы в Республике Дагестан одного из авторов статьи. Далее мы рассмотрим несколько отобранных нами сюжетов, а затем предложим их антропологическую интерпретацию.

Родовая честь и коллективные извинения

Итак, вернемся к случаю конфликтной ситуации в Элисте с участием дагестанского борца. Извинения и самого спортсмена, и его наставников, и даже представителей дагестанских властей не помогли Османову избежать судебного разбирательства и последовавшего за ним наказания⁵. В результате, так и не выступив, дагестанская команда покинула Калмыкию, а Османов был отправлен в СИЗО – против него возбудили уголовное дело. Спустя несколько дней после происшествия в Элисте был проведен обряд очищения оскверненной статуи Будды. Самого же спортсмена в июле 2016 г. приговорили к двум годам лишения свободы условно с испытательным сроком в один год по статьям “Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий” и “Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства” УК РФ.

В череде извинений за совершенное преступление для предмета обсуждения в нашей статье примечательно видео с извинениями отца спортсмена, размещенное вскоре после события. Судя по обстановке, запись была сделана в отделении МВД – отец спортсмена заснят фронтально крупным планом в кабинете, он регулярно поднимает глаза на стоящих за камерой людей:

К большому своему сожалению и возмущению, узнал о безнравственном поступке моего сына, совершенном им на соревнованиях в Элисте. Хочу принести свои искренние извинения перед калмыцким народом по поводу данного инцидента. Его поступок не останется безнаказанным. Уверен, что безнравственный поступок моего сына не послужит поводом ухудшения отношений между двумя братскими народами Калмыкии и Дагестана (Отец Османова 2016).

Согласно реакции СМИ, основное внимание общественности было направлено на извинения официальных лиц республики, тогда как извинения отца были лишь их дополнением. Причиной подобного распределения акцентов может быть попытка освещения инцидента в Элисте в контексте не столько взаимодействия нескольких групп молодежи, сколько эскалации давних противоречий между соседними регионами из-за проблем спорных земель, отгонного животноводства и др. Однако и в данном, и в других подобных случаях извинения родителей играют особо значимую роль для общества республики, в частности когда дело касается проступков молодых людей. Такие случаи следует рассматривать через призму представлений о коллективной ответственности всех членов семьи, совместно создающих социальный капитал – моральную репутацию и “нравственные активы” семьи – и совместно за него отвечающих⁶.

Исторически концепция родовой чести чрезвычайно важна для Дагестана и кавказских культур в целом. Честь и бесчестие человека в дагестанском обществе распространялись на всю его семейно-родственную группу, *тухум*, и определяли работу многих социальных институтов, в том числе фамильной репутации и кровной мести. Восполнение ущерба коллективной чести рода или семьи было делом всей группы. В ситуации проступка одного из своих членов лидеры группы нередко принимали решение покаяться от ее лица или осудить/покарать провинившегося от своего имени вплоть до исключения из своих рядов. Таким образом они пытались, часто вполне успешно, восстановить репутацию всей социальной единицы. В качестве примера можно привести свод решений, обязательных для жителей Андалальского округа Дагестана в XIX в., где было указано: “...если родственники захотят своего родственника убить за его плохое поведение и это плохое поведение известно жителям селения, то за это убийство штраф не взыскивается...” (цит. по: *Карнов* 2004: 138–139).

Представления о родовой чести актуальны и для современного дагестанского общества: репутация одного члена *тухума* – достояние и сфера ответственности всего родственного коллектива, прежде всего мужчин семьи. Чаще всего в дискуссиях на эту тему проблема фамильной чести обретает гендерную окраску: обсуждается и осуждается распущенность девушек и женщин как угроза репутации всей родственной группы. Родители девушек опасаются обвинений в том, что они приложили недостаточно усилий для их воспитания и что в семье в целом не все в порядке с моралью. Незамужние девушки, заподозренные в легкомыслии, рискуют понизить свой статус на “брачном рынке”, а их родственники-мужчины обвиняются в слабости, неспособности навести порядок в семье и контролировать женщин, за которых они должны нести ответственность. Порой подобные суждения становятся причиной случаев насилия над женщинами, обвиняемыми в безнравственном поведении (побои, принуждение к вступлению в брак и т.п.). Представления о родовой чести и ответственности

за проступок любого члена *тухума* ложатся в основу широко освещавшихся региональными и федеральными медиа “убийств чести” – убийств женщин, заподозренных в “недостойном поведении” их близкими родственниками (отцами, братьями, дядями) (подробнее см.: Антонова, Сиражудинова 2018).

Публичное коллективное покаяние членов родовой группы, наряду с материальной компенсацией ущерба, в сообществе считалось необходимым условием примирения в случае прекращения кровной мести. Так, этнограф С.А. Лугуев в книге “Культура поведения и этикет дагестанцев” описывает классический обряд примирения кровников: “...родственники убитцы во главе с ним самым непосредственно отправлялись к дому погибшего. Все шли без папах, босиком, с закатанными до колен штанинами и засученными до локтей расстегнутыми до ворота рубашками. Последние 1,5–2 десятка метров процессия двигалась на коленях” (Лугуев 2006: 249). Публичные извинения отца после инцидента с осквернением статуи Будды – логическое следствие работы этой системы, когда родители не только разделяют ответственность со своим виновным сыном, но и гарантируют неотвратимость его наказания (подробнее об этом см.: Карпов 2004; Лугуев 2006).

Ответственность за нарушение социального порядка разделяла не только семейно-родственная группа, но и сельская община, которая также могла взять на себя функции судьи, изгоняя и наказывая провинившихся (Карпов 2004: 138). Сельское сообщество и в настоящее время выступает гарантом и “поставщиком” разных форм поддержки (финансовой, организационной, силовой и т.д.) своих членов. При этом последние обязаны держать ответ перед сообществом, их поступки оцениваются членами джамаата⁷. В некоторых сельских сообществах распространена практика публичного осуждения в мечети и введена система штрафов за проступки сельчан. Например, в одном из дагестанских селений нам приходилось слышать о практике полного запрета на публичное употребление спиртного на территории села: провинившийся обязан был заплатить штраф 500 руб. в пользу мечети.

Меж тем сегодня коллективная ответственность за предосудительные действия одного человека может распространяться и на всех жителей Дагестана. Проступок Саида Османова в столице Калмыкии многими комментаторами события рассматривался как бросающий тень на всех жителей республики. В некоторых откликах на произошедшее авторы писали о том, что им мучительно стыдно за земляка. И все же вопрос о границах ответственности национального коллектива за аморальное поведение индивида в дагестанском обществе не имеет однозначного ответа. Рост количества случаев публичных извинений, как мы полагаем, дает возможность увидеть динамику и гетерогенность моральной культуры современного Дагестана, не редуцируя ее до комплекса культурных представлений о коллективных чести и стыде.

“У преступников нет национальности”: границы коллективной ответственности в дискуссиях о публичных извинениях

Как было сказано, в случае Дагестана публичное извинение оказывается не индивидуальным, а групповым действием, в рамках которого коллектив признает свою ответственность за индивида, необходимость контролировать его поведение, разделять репутационные издержки и даже наказывать. При этом значительные усилия в ходе коллективных извинений за кощунство в Элисте были направлены на подчеркивание исключительно личной вины нарушителя социальной нормы и предотвращение генерализации его поступка. Извинения

официальных лиц и даже отца за действия Саида Османова содержали заверения в том, что этот конкретный инцидент представляет собой патологию, ужасную случайность, сбой в нормальном функционировании социального порядка и потому не может разрушить многовековую дружбу между калмыцким народом и народами Дагестана.

Напомним, что буквально сразу после инцидента с осквернением статуи Будды в Элисту прибыл Абдусамад Гамидов, глава правительства Республики Дагестан. Далее было записано и опубликовано очередное видео, где глава Калмыкии Алексей Орлов вместе с Гамидовым публично осудили действия спортсмена:

Мы едины в одном: мы осуждаем этот акт вандализма. И главное: [с нажимом] *моральные, духовные уроды*, совершающие подобные противоправные действия, не имеют национальности. Наша общая, главная, совместная задача всех жителей республики не дать никому и повода усомниться в существовании многовековых традиций дружбы, добрососедства, братства живших и живущих в нашей многоконфессиональной, многонациональной республике (курсив наш. – Е.К., Е.Х.) (Председатель правительства 2016).

Формулировка, используемая Орловым, – “моральные, духовные уроды не имеют национальности” – наследует газетному клише и базовой риторической стратегии для публикации о террористических группировках и атаках 1990–2000-х годов: “у преступников нет национальности”. Истоки этого выражения не очевидны: чаще всего его авторство приписывают президенту РФ Владимиру Путину, однако риторическое “отнятие” национальности у бандитов и преступников мы обнаруживаем уже в газетных статьях начиная с 1994 г. (см., напр.: В Чечне проживают 1994), в основном посвященных конфликтам на Северном Кавказе. Впоследствии формулировка в различных вариантах (“у предателей нет национальности”, “у терроризма нет национальности”, “у воров нет национальности”) использовалась для комментирования случаев преступлений, где обвиняемыми оказывались жители кавказских республик и/или мусульмане. Эта стратегия, очевидно, была призвана предостеречь от экстраполяции выводов о единичных радикальных случаях на целые этнические группы, понизить градус напряжения в отношении их представителей в российском обществе и, таким образом, погасить кавказофобию.

В совместном обращении Орлова и Гамидова фраза “у моральных уродов нет национальности” сочетает в себе концепцию коллективной ответственности и логику дегуманизации преступников. Безусловно, руководители республик в своей осудительной речи стремились предотвратить потенциальный конфликт на этнической почве и предупредить общественность, что расширение ответственности за преступление с одного человека на национальную группу и, следовательно, проявление по отношению к ее представителям агрессии не может быть оправданным. Однако эта формулировка также открывает возможность для обсуждения образов морального субъекта и его агентности, делающих возможными и понятными публике как приведенные нами утверждения, так и подобные им примеры осуждения преступников, за действия которых их национальная группа вынуждена брать ответственность.

Вопрос о локальных типах субъекта ставится и в работе антрополога А. Бернштейн, посвященной общественной реакции на выставки “оскорбительного искусства” в постсоветской России. Исследовательница приводит цитату из комментария протоиерея отца Александра Шаргунова к скандальной экспозиции художника-акциониста Авдея Тер-Оганьяна: “Эти нелюди совершали преступление не своею волею, а волей бесовской. Они по-своему медиумичны”. Данное высказывание, по мнению А. Бернштейн, симптоматично. С одной стороны, оно отражает представления о субъекте и связанные с ним семиоти-

ческие идеологии: человеческие качества проявляет лишь тот субъект, который способен демонстрировать достаточное уважение к знакам определенного типа. С другой – *нелюдям*, дегуманизированным субъектам отказано в способности действовать от своего лица. Иными словами, они не обладают той агентностью и свободой, которые приписываются человеку согласно современной западной модели субъектности (Bernstein 2014: 429).

При общей формальной схожести случаев кощунственных выставок и осквернения статуи Будды, а также общественной реакции на них, различия в представлениях о человеке и его агентности между ними весьма существенны. В случае инцидента в Элисте для земляков кощунника проблема состоит не в недостаточно почтительном обращении с сакральным объектом (для мусульманина любое божество является идолом, почитание которого попирает фундаментальный принцип ислама – единобожие), а в неуважении к моральному кодексу публичного поведения, принятому в сообществе, к которому борец принадлежит. Спортсмена Османова вынуждают извиниться не за кощунство как таковое, а за то, что он, дагестанец, будучи гостем в Калмыкии, повел себя как “захватчик”, а коллективная ответственность, которую разделяют семья и соотечественники борца, предполагает подотчетность за преступление их родственником и земляком норм общественной морали, а не границ сакрального, приведшее к оскорблению религиозных чувств буддистов.

Согласно такой модели субъектности, совершая аморальный поступок, человек демонстрирует свою неспособность уважать и соблюдать символический порядок общественной жизни, а значит, его возможность считаться полноценным и, что важно, репрезентативным членом общества ставится под вопрос. Национальность здесь оказывается неотчуждаемым свойством человека, в определенном смысле изоморфным его моральным качествам. Риторический отказ же в национальности лишает человека “человеческих черт”. В отличие от либеральной модели субъекта, описанной А. Бернштейн, в рассматриваемой моральной логике особенностью “нелюдей” оказывается как раз исключительно индивидуальная агентность. Учитывая пренебрежение нарушителей правилами морального порядка, выступать от лица коллектива (т.е. в качестве субъектов, обладающих всей полнотой естественной социальности) им более не позволено.

При всем сказанном у публичного осуждения провинившихся земляков посредством формулировки “у преступников нет национальности” есть и другая прагматическая функция. При должной демонстрации своей ответственности за произошедшее и готовности разделить репутационные издержки эта ответственность может быть нивелирована ровно таким же образом, т.е. указание на отсутствие национальности у провинившегося в определенном смысле позволяет его землякам за него и не отвечать. Рассмотрим работу подобной логики на примере извинений после инцидента с участием дагестанцев в Москве.

В ноябре 2021 г. произошла драка в московском метро. Трое молодых людей досаждали девушке, которая ехала с ними в одном вагоне, за нее заступился молодой мужчина, в результате троица жестоко избила его на глазах у попутчиков. Среди свидетелей происшествия нашлись те, кто нажал кнопку экстренного вызова и заснял происходящее на камеру смартфона. На ближайшей станции избивавших задержали – ими оказались дагестанцы. Данный случай спровоцировал общественную реакцию, схожую с той, что можно было наблюдать после инцидента с осквернением статуи Будды в Элисте. Сначала молодых людей публично осудили дагестанские власти. Вот как свою позицию по инциденту обозначил министр по делам национальной политики и делам религий республики Энрик Муслимов:

Республика Дагестан осуждает такое недостойное настоящих дагестанцев поведение и искренне сочувствует родным и близким этих молодых людей, которым, уверены, сейчас бесконечно стыдно за своих детей. Очень неприятно, что своими поступками такие безответственные люди дискредитируют дагестанскую молодежь, позорят свое имя и свои семьи (Власти Дагестана 2021).

Министр также подчеркнул отказал провинившимся в возможности действовать подобным образом в качестве дагестанцев, отметив, что

неправильно говорить о том, что преступление совершил человек такой-то национальности из такого-то региона. Любой человек, совершивший противоправное действие, – это преступник, а преступник не имеет национальности (Там же).

Характерно, что в своем заявлении от лица жителей Дагестана министр выражает не только сожаление о случившемся и пожелания скорейшего выздоровления пострадавшему, но и сочувствие родственникам напавших на него, тем самым показывая, что муки их стыда за произошедшее не менее сильны, чем страдания потерпевшего, и, что важно, хорошо понятны говорящему.

Через некоторое время было опубликовано видеоизвинение матери одного из избивавших молодых людей, где она обращается к пострадавшему, а также к его матери. Кающаяся женщина, по устоявшимся стандартам, заснята фронтально, медицинская маска скрывает большую часть ее лица:

Хочу попросить прощения перед Романом, перед его мамой обязательно хочу попросить прощения, потому что я знаю, что такое сын и как сын дорог для каждой матери. Я очень осуждаю поведение этих ребят в метро, также поведение сына моего. Хоть даже если он не ударил, он не должен был так себя вести. Это его не оправдывает, ни в коем случае не оправдывает. И поэтому я прошу прощения за сына, за поведение его. И я и Романа попросила, если может, пусть простит нас, мы всегда со своей стороны готовы помочь в реабилитации, мы оставили номера телефона, если что-то нужно, мы всегда поможем. Еще раз прошу прощения, его мама увидит меня – простите меня (Мама одного из парней 2021).

Извинение опирается на вполне типичные стратегии, подробно описанные И. Гофманом: мать виновника, с одной стороны, эксплицитно признает проступок как заслуживающий осуждения, но при этом указывает, что есть особые обстоятельства, которые говорят нам, что ответственность ее сына за произошедшее не полная (“хоть даже если он не ударил...”). Далее женщина переходит непосредственно к покаянию, стремясь продемонстрировать, что, несмотря на совершенный аморальный поступок, и она, и ее сын все еще остаются полноценными членами общества, уважающими его моральный порядок. Следует специально отметить, что мать виновника просит простить не сына, а себя, что указывает на ту значимую роль, которая отводится родителям в формировании морального облика их детей.

Помимо официальных лиц и членов семьи в процесс включились и медийные персоны Дагестана, преимущественно борцы. Особое внимание СМИ к реакциям представителей спортивной элиты – часть своеобразного культа борьбы и единоборств, который сложился в настоящее время в дагестанском обществе. С пиететом в республике относятся именно к спортивной борьбе, ею занимаются массово, именитые борцы окружены почетом и уважением в обществе, а спортивная карьера открывает двери в бизнес и политику (Солоненко 2012: 92). Как отмечает социолог С. Поляков,

известные борцы (и представители других единоборств) часто стремятся выступать в роли моральных авторитетов и одновременно защитников морального порядка, публично – через социальные сети и средства массовой информации – призывая бороться с проявлениями “разврата” и “порока”, а также оказывая силовое воздействие на тех, кого считают носителями и пропагандистами аморального образа жизни и чуждых ценностей (Поляков 2021: 121).

В этом контексте комментарии по поводу инцидента в метро от авторитетных бойцов не только добавляют веса голосам осуждения зачинщиков потасовки, но и нивелируют негативные последствия для репутации нормативного боя, проводя между ним и уличной дракой жесткую границу.

За земляков попросил прощения олимпийский чемпион по вольной борьбе из Дагестана Бахтияр Ахмедов: “Я хочу принести извинения пострадавшему парню, всем его родным и близким. Это знак для всего нашего общества, что мы все должны сделать выводы и работать над своим внутренним миром, над своей культурой, не допускать впредь таких ситуаций” (Олимпийский чемпион 2021). Драку в метро прокомментировали и другие дагестанские спортсмены-борцы и даже их близкие. Так, Рамазан Исмаилов, брат известного бойца Магомеда Исмаилова, описал моральный облик виновников инцидента, риторически лишив их человеческих качеств и, имплицитно, национальной идентичности: “они поступили как звери, неважно, какой нации... Если, дожив до такого возраста, они не поняли, что хорошо и плохо, значит, научатся этому в тюрьме” (Брат Исмаилова 2021). Воспроизводит ту же логику перевода “драчуна” в “асоциальное существо” и мастер смешанных боевых искусств Магомед Маликов, при этом парадоксально указывая на неизбывность принципа коллективной ответственности:

Найти таких ребят, которые ведут себя как животные и беспредельничают, можно в любой национальности. Каждый народ должен ответственно относиться к молодым ребятам, которые нарушают общественный порядок, чтобы им было стыдно за своих соотечественников <...> Для ребят, которые хотят проверить свои силы на самом деле, государство в каждом городе создает большое количество спортзалов. На тренировках там можно выложиться и показать, на что ты способен. Проявите себя в равных условиях (Дагестанский боец 2021).

Последний комментарий особенно примечателен, поскольку разделяет чрезвычайно почетный статус бойца-спортсмена и статус уличного хулигана, который не только нападает на людей, но и в преступном небрежении забывает о своем долге сохранять незапятнанной репутацию своего народа.

Через несколько дней после драки в сети появился видеоролик, в котором молодой человек с охапкой роз раздавал их женщинам на станциях московского метро. На его футболке было написано “Я дагестанец. Нет плохой нации”. Сам ролик, равно как и извинения напрямую не причастных к случившемуся дагестанцев, спровоцировал яркую дискуссию в сети о границах ответственности в обществе: должен ли дагестанец нести ответственность только за себя, или же за свою семью, род и всю республику. Схожие рассуждения имели место и после осквернения статуи Будды в Элисте. Тогда журналист Тимур Джафаров написал на своей странице в Facebook*: «Я не понимаю, почему извиняются “от лица дагестанского народа”. Это значит и от меня лично... Я никого не оскорблял. Или у нас принцип коллективной ответственности?» (Раджабов 2016).

*21 марта 2022 г. российский суд признал компанию Meta экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории РФ, включая принадлежащую ей соцсеть Facebook.

Подобные дискуссии о необходимости (и осмысленности) приносить извинения от лица социальной группы за деяния отдельных ее членов позволяют увидеть, как в публичном дискурсе сталкиваются различные видения агентности и ее связи с социальной структурой, а также различные образы субъекта.

“Опозорили пацана”: обратная сторона публичных извинений

Традиционно в Дагестане кровная месть воспринималась как справедливая, но опасная, затратная и в целом разрушительная для сообщества практика, поэтому в обряде примирения кровников процедура покаяния виновника и его родовой группы была детально прописана, а акт прощения кровника высоко ценился и поощрялся (Лугуев, Абдурахманов 2009: 41). Однако такое покаяние противоречило социально одобряемому образу “горца-удальца”: согласно распространенной поговорке, приписываемой имаму Шамилю⁸, у “героя” обязательно должны были быть не только друзья, но и враги, а высшая ценность – личная честь. Щепетильность в подобных вопросах, часто становившаяся причиной убийств и самоубийств, описывалась путешественниками и исследователями еще в дореволюционном Дагестане. Анализируя зафиксированные в сводах горской криминалистики случаи суицида, Ю.Ю. Карпов указывает, что немалое их число было совершено после публичного унижения (Карпов 2007: 193).

Как отмечает антрополог Д. Гилмор, в отличие от вины, стыд всегда требует зрителя, стыд – визуальный феномен (Gilmore 1982: 198). Нарушивший те или иные социальные нормы испытывает стыд именно тогда, когда его действия видят окружающие, равно как раскаяние и демонстрация мук стыда невозможны без оценивающих их искренность наблюдателей. Так, в культурных представлениях о чести и стыде, изученных антропологами преимущественно на материалах Средиземноморья XX в., страх публичного порицания оказывается сильнейшим механизмом социального контроля.

В современном дагестанском обществе публичные покаяния могут также быть прочитаны как потеря статуса и даже чести мужчины, признак его слабости. Извинения из позиции слабого (Османов, вставший на колени по требованию возмущенных калмыков, или извиняющиеся в МВД виновники потасовки в метро и их родственники) могут восприниматься как поступки, наносящие значительный репутационный ущерб, причем опять-таки не только индивиду, но и всему коллективу, разделяющему с ним ответственность. Более того, визуальный аспект практик пристыжения лишь усилился благодаря возможностям распространения видеоматериалов с “позорными действиями”, которые, таким образом, становятся предметом для осуждающего взора и реплик широкой аудитории в социальных сетях. Именно поэтому, когда полиция Дербента заставляет извиняться молодого человека, танцевавшего лезгинку на месте древнего мусульманского захоронения, среди голосов пользователей соцсети звучат и те, что жалеют парня, считая его опозоренным насильственным актом извинения, принесенным под давлением представителей силовых структур (Пользователи соцсети поспорили 2021). В отношении поставленного на колени Османова комментаторы также выражали сочувствие и сожаление о пережитом им унижении.

Попыткой компромисса между необходимостью публично извиниться, подчиняясь моральному кодексу коллектива, но при этом не утратить статуса человека, способного действовать самому, можно считать те варианты видеобращений, где говорящий выступает в роли индивида, принявшего решение

извиниться самостоятельно. В подобных случаях ритуал публичного покаяния выстраивается извиняющимся как сознательный, этический и рефлексивный акт, что предполагает минимизацию формальности риторических и визуальных приемов, которые могли бы быть считаны публикой как типичные для действий, совершаемых под социальным давлением.

Примером тому может стать обращение Арсена Лугуева, извиняющегося за скандал на показе мод в Аварском театре в Махачкале в мае 2021 г., организатором которого он был. Устроители шоу выпустили на подиум модель в просвечивающем платье, что было расценено публикой как непозволительный в дагестанском обществе поступок. Позволим себе привести извинения Лугуева целиком:

Сразу хочется сказать, что все мы, организаторы, соорганизаторы, без исключения уважительно относимся к аварскому народу, ко всем этносам Республики Дагестан, поскольку сами являемся представителями нашей республики. Родился, вырос в Махачкале. Нам очень жаль, что данное мероприятие приобрело такой окрас из-за одной досадной ошибки. Дело в том, что на показе присутствовало десять брендов, и у одного бренда было одно платье, которое при освещении вечером заиграло совершенно другими тонами. Из полупрозрачного стало практически абсолютно прозрачным. И когда мы это заметили, девочка была уже на подиуме, и было поздно что-то менять. Но мы попросили всех гостей в микрофон не выкладывать это ни в коем случае ни в какие stories. Это досадная ошибка организатора, надеюсь на ваше понимание (Извинения за развратный показ 2021).

Заметим, что здесь Лугуев не извиняется, а выражает сожаление о случившемся по недосмотру. Он прямо говорит о своей принадлежности дагестанскому обществу, его признание многословно, а речь выглядит спонтанной, если сравнивать это выступление со стандартизированными извинениями на видеокамеру. Он подробно описывает саму ситуацию, вызвавшую общественное порицание, что в ином случае могло быть расценено как нежелание признать свою вину. Однако в структурном отношении обращение Лугуева представляет собой типичный акт извинения, как и в других рассмотренных примерах, предполагающий расщепление субъекта: автор извинений берет на себя ответственность за произошедший инцидент, но в то же время стремится показать себя полноценным и заслуживающим доверия членом дагестанского общества, готовым подчиняться его моральным правилам.

В рамках такого извинения особенно важна проксемика: Лугуев сидит за накрытым столом со своими друзьями, он заснят не фронтально (в духе дачи показаний в полицейском участке – классическая форма извинений в МВД), а вполоборота. Схожим образом просил прощения за излишне радостную реакцию на отставку главы Дагестана Рамазана Абдулатипова и один из дагестанских блогеров. Он снимает видео в собственной машине, в привычном для его блога стиле: признавая свою неправоту и неэтичность реакции, он объясняет, как, самостоятельно работая с авторитетным источником, поменял свое видение ситуации (“понял, что не прав, когда прочел слова Шамиля”). Получается, что только его способность к саморазвитию и мужественному признанию своих прошлых ошибок сделала такое признание возможным. Он также подчеркивает, что делает это признание добровольно, по собственному желанию, а не по принуждению⁹. Контроль проксемики и самого кадра, таким образом, позволяет извиняющимся сохранить высокую степень агентности и выступить в качестве сознательного и свободного в своем этическом выборе субъекта, при этом не нарушая протокола восстановления нарушенного морального порядка в обществе.

“Свой монастырь”: дагестанцы оскорбляются

В последние несколько лет Республика Дагестан из сравнительно “закрытого” региона, который поставлял в федеральную ленту новостей практически исключительно пугающие новости о терактах и контртеррористических операциях, неожиданно и резко превратилась в одно из привлекательных мест для внутрироссийского туризма. В результате дагестанское общество столкнулось с последствиями взлета популярности – туристы со всей страны с их привычным стилем поведения на южных курортах прибыли в республику, в которой некоторые практики и привычки отдыхающих принято считать неприемлемыми. Это породило разнообразные дискуссии, в том числе и те, которые напрямую связаны с проблемой нравственности, правом и обязанностью ее публично защищать.

В качестве примера рассмотрим скандал с участием популярных блогеров, размещающих в социальных сетях контент о своем отдыхе в Дагестане. В 2021 г. блогер из Санкт-Петербурга Сергей Красная Борода, на тот момент проживавший в Махачкале, опубликовал свои фотографии, где он позирует, обнимая женщин в коротких майках, шортах и папах, на фоне знаменитых пейзажей Чиркейского водохранилища. После волны возмущения в социальных сетях блогер был вынужден удалить фотографии. Также он записал видео с извинениями, где рассказал, что осознал неправильность своего поступка, и обещал исправиться “как внешне, так и внутренне” (Блогер извинился 2021).

Примечательно, что хотя участники скандала очень быстро удалили фотографии из своих профилей в соцсетях, снимки широко разошлись в многочисленных пабликах и собирали все новые возмущенные реплики. При этом сами фотографии распространялись в ретушированном виде – ревнители морали закрасили оголенные части тел девушек в графическом редакторе. Подобная практика характерна и для других сетевых сообществ, обеспокоенных проблемой нравственности в республике, – групп, определивших основной своей задачей поиск женщин, чей внешний вид, по их мнению, не укладывается в нормы приличия, подбирающие мусульманкам, и осуществление попыток пристыдить их¹⁰. Хотя девушки, запечатленные на снимках вместе с петербургским блогером, не принадлежат дагестанскому обществу, а значит, формально за их нескромное поведение никто из мужчин отвечать не должен, распространение фотографий полуобнаженных женщин само по себе может быть расценено как аморальное действие, пусть даже оно преследует благие цели – а именно осуждение такого внешнего вида в публичном пространстве.

Похожая история произошла ранее и с двумя девушками, снявшимися топлес на фоне Сулакского каньона. Замглавы администрации Унцукульского р-на республики Мухаммад Хамзатов обратился к девушкам и призвал удалить фотографию, пригрозив статьей об оскорблении чувств верующих (ст. 148 УК РФ): «По его словам, подобные истории негативно влияют на общественно-политическую ситуацию. “К нам обращаются старейшины района, села, молодежь обращается, женщины, учителя. Для наших людей это неприлично, мягко говоря”, – указал чиновник, предположив, что они “в первый и в последний раз это совершили”» (Лисицына 2021).

Хотя чиновник и отсылает к оскорблению чувств верующих, на снимках не были запечатлены культовые здания или иные сакральные объекты – лишь только сами участницы фотосессии на фоне каньона. Однако едва ли здесь стоило говорить о какой-либо сакрализации ландшафта. Обращение к ст. 148 УК РФ, по нашему мнению, это попытка указания на серьезность и аморальность поступка и реальность перспективы наказания за него. Категория “оскорбле-

ние чувств верующих” в данном контексте синонимична “оскорблению местных жителей”, неуважительному отношению туристов к сообществу, их принимающему. Добавим, что в республике неоднократно происходили конфликты вокруг кошунственных актов, но корень противоречия всегда обнаруживался не между верующими и их оскорбителями, а между разными группами верующих, к примеру, между салафитами и последователями суфийского течения ислама. Примеры же применения статьи об оскорблении чувств верующих внутри дагестанского общества нам не встречались.

Обсуждение проблемы поведения туристов в Дагестане и, в частности, практики извинений с их стороны можно рассматривать как сравнительно новую форму реакции общества на дискриминационный дискурс о чужаках, воспроизводящий неравенство по отношению к мигрантам через метафоры “дома” и “чужого монастыря”. Кавказофобия как вариант ксенофобии и мигрантофобии, как известно, была общим местом в медийном и даже административном дискурсах 1990-х годов: “лица кавказской национальности” и завуалированный вариант “гости с юга” стали устойчивыми дискриминационными клише в российской прессе (Карпенко 2002). К середине 2000-х годов подобная риторика в целом стала рассматриваться как неприемлемая, однако сама проблема дискриминации представителей кавказских республик не исчезает и приобретает другие формы, к примеру, выражается в борьбе с уличной лезгинкой (см.: Капустина 2017).

Таким образом, жители Дагестана, которые регулярно сталкиваются с пейоративными высказываниями в свой адрес в публичной и частной сферах за пределами республики, теперь заимствуют риторику “чужого монастыря” для указания туристам на их положение, права и обязанности “гостя”. Попытки заставить извиниться “гостей” за несоблюдение порядков местного “монастыря” выглядят вариантом реванша за устойчивую кавказофобию, распространенную в российских регионах. Извинение как механизм регуляции норм поведения в республике, как мы видим, становится популярным также и в контексте определения границ между “дагестанским обществом” и “другим миром”, от влияния которого, по мнению требующих извинений, традиционную нравственную культуру необходимо защитить.

* * *

Публичные извинения как ритуальная практика, равно как и требование подобных извинений, стали важными элементами общественной дискуссии о морали и нравственности в современном Дагестане. Распространение этой практики проблематизировало в обществе границы коллективной ответственности, а также связанные с институтом репутации представления о субъекте, его свойствах и агентности, о возможности подчинения и сопротивления социальной структуре.

Помещение ритуальных практик публичных извинений в фокус антропологического исследования позволяет представить достаточно разнородную картину морального порядка. Безусловно, мы можем видеть генетические истоки этих практик в локальной истории покаяния как механизма гашения кровной мести, а также в традиционных для региона институтах родовой чести. Однако во многом содержание и прагматика публичных извинений обусловлены и социально-политическим контекстом новейшей истории России, в частности распространением убеждения об опасности, исходящей от представителей кавказских республик, и контртеррористической политикой РФ 1990–2000-х годов. Облик и устойчивость практик публичных извинений можно объяснять

также и возрастающим в республике беспокойством о разрушении основ традиционной морали. Роль защитника нравственной культуры Дагестана берет на себя своеобразная “полиция нравов”, определяющая в качестве своей основной задачи призыв извиниться, обращенный к тем, кто публично преступил моральные законы общества.

В современном Дагестане можно наблюдать и попытки изменить стилистические конвенции жанра, установившиеся, впрочем, сравнительно недавно. Извиняющиеся не оформляют свое обращение согласно стандартизированному ритуалу покаяния, записанному на видеокамеру, где смирение перед коллективной моральной санкцией является предметом риторического и визуального конструирования, а представляют свое извинение как рефлексивный интенциональный акт свободно действующего индивида.

Тем не менее, будучи актом демонстрации внутренней рефлексии по жанровым конвенциям, в сущности, публичные извинения остаются актом демонстрации своей подчиненности воле коллектива, своей полноценности как члена общества, адекватно владеющего грамматикой символов подчинения и уважения. Это наблюдение, однако, не противоречит тому, что широкое распространение практики публичных извинений за проступки становится среди отдельных представителей общества источником рефлексии об искренности, границах коллективной и индивидуальной ответственности в вопросах морали.

Как кажется, подход к изучению современных практик публичных извинений с фокусом на локальные концепции нравственности и морального субъекта, а также на дисциплинарный и политический контексты, их обуславливающие, мог бы быть продуктивен для компаративного исследования ритуалов публичного покаяния в обществах с другими конфигурациями дисциплинарной власти и с менее сложной и устойчивой системой социальных связей.

Примечания

¹ Письмо Рамазана Абдулатипова было опубликовано на официальном сайте Главы Республики Калмыкия 04.04.2016. Однако на момент написания статьи эти материалы были уже недоступны. В 2019 г. Алексея Орлова на должности Главы Республики сменил Бату Хасиков, и официальный сайт был полностью обновлен. Поэтому здесь мы приводим ссылку не на сайт первоисточника, а на вторичный электронный ресурс.

² Таким образом, у каждого действия есть потенциал быть оцененным как морально неудовлетворительное. Неслучайно авторы подборки статей, посвященной извинениям в повседневной коммуникации, проводят параллель с понятием поправки (*repair*) из области конверсационного анализа: равно как любое коммуникативное действие потенциально может стать предметом поправки, также и любое действие при соответствующей интерпретации реципиентом может стать предметом извинения (*Drew et al.* 2016).

³ По данным Национального корпуса русского языка: корпус «Газетные “Центральные СМИ”».

⁴ Подробнее об этом: *Shtyrkov S.* Fear and Loathing in North Ossetia: How Ethnic Activism Can Turn into Religious Nativism // *Religion, State and Society*. 2023 (готовится к печати).

⁵ Справедливости ради следует отметить, что по мере эскалации скандала, связанного с инцидентом в Элисте, дагестанские журналисты представили и альтернативную точку зрения на конфликтную ситуацию. Согласно этой версии, Османов вандализма не совершал, а лишь позволил себе словесно оскорбить статую Будды. Произошедший конфликт риторически помещен в контекст

противостояния регионов – Калмыкии и Дагестана, – выраженного не только в регулярных стычках и взаимных претензиях, но и в нежелании калмыцких властей обуздать негативные реакции жителей своей республики по отношению к дагестанцам. Подробнее эта версия рассмотрена в публикации дагестанской газеты “Новое дело” (Кто подкинул свинью 2016).

⁶ В современном Дагестане типичным риторическим приемом в ситуациях, когда молодой человек публично совершает какой-то предосудительный поступок или нарушает правила приличия, может стать гневный вопрос очевидцев, обращенный к нему: “Кто твои родители? Из какой ты семьи?” За этой словесной формулой скрывается указание на то, что своим поступком молодой человек своих родителей и семью опозорил.

⁷ В данном случае джамаат выступает синонимом сельского сообщества.

⁸ Имам Шамиль – третий имам Чечни и Дагестана во время Кавказской войны, управлявший имаматом с 1834 по 1859 г., один из признанных героев и “этических примеров” для современного дагестанского общества.

⁹ К сожалению, на момент подготовки последней редакции статьи видео с извинениями было удалено из социальной сети Instagram вместе с самим сообществом “Извинистан 05” (21 марта 2022 г. российский суд признал компанию Meta экстремистской организацией и запретил ее деятельность на территории РФ, включая принадлежащую ей соцсеть Instagram).

¹⁰ В качестве примера можно привести нашумевшую группу “Курицы Махачкалы” в сети “ВКонтакте” и подобные ей, где участники выставляли фотографии, информацию о проступках и личные данные девушек, при этом закрашивая в редакторе зону аврата (которую мусульманка должна прикрывать, выходя из дома), дорисовывая девушкам хиджабы и т.д. (подробнее см.: *Канустина* 2020).

Источники и материалы

- В Элисте 2016 – В Элисте дагестанского борца поставили на колени // YouTube. 02.04.2016. <https://www.youtube.com/watch?v=vLS1Ophjyt4>
- Письмо 2019 – Письмо Главе Калмыкии Алексею Орлову от Главы Республики Дагестан Рамазана Абдулатипова // БЕЗФОРМАТА. 11.01.2019. <https://elista.bezformata.com/listnews/alekseyu-orlovu-ot-glavi-respubliki/45480844>
- Хроника 2022 – Хроника публичных извинений на Кавказе // Кавказский Узел. 22.11.2022. <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/345536> (Общество с ограниченной ответственностью “МЕМО” (издание Кавказский узел) 08.10.2021 внесено в реестр «Средства массовой информации, признанные “иностранными агентами”»).
- Кто подкинул свинью 2016 – Кто подкинул свинью Дагестану // Новое дело. 09.04.2016. <https://ndelo.ru/obshchestvo/kto-podkinul-svinyu-dages>
- Отец Османова 2016 – Отец Османова Саида извинился за сына перед Калмыками // YouTube. 04.06.2016. <https://www.youtube.com/watch?v=nplptqra54U>
- Антонова, Сиражудинова 2018 – Антонова Ю.А., Сиражудинова С.В. Убитые сплетнями. Убийства женщин по мотивам “чести” на Северном Кавказе. Отчет по результатам качественного социологического исследования в республиках Дагестан, Ингушетия и Чечня (Российская Федерация). 2018. https://srji.org/upload/iblock/681/Pravovaya_initsiativa_Otchet_UBITYE_SPLETNYAMI_2018.pdf
- Председатель правительства 2016 – Председатель правительства Дагестана принес извинения народу Калмыкии за акт вандализма // YouTube. 04.06.2016. <https://youtu.be/cmJXY1chN4E>
- В Чечне проживают 1994 – В Чечне проживают 150 тысяч русских. Что там,

- в Чечне? // Аргументы и факты. 13.07.1994. <https://archive.aif.ru/archive/1642754>
- Власти Дагестана 2021 – Власти Дагестана осудили земляков, избивших мужчину в московском метро // РИА Новости. 07.10.2021. <https://ria.ru/20211007/dagestan-1753495804.html>
- Мама одного из парней 2021 – Мама одного из парней, устроивших громкую драку в московском метро, извинилась перед пострадавшим // YouTube. 10.11.2021. <https://www.youtube.com/watch?v=SbLsJsyeBfs>
- Олимпийский чемпион 2021 – Олимпийский чемпион из Дагестана извинился за земляков, избивших мужчину в метро // Федеральное агентство новостей. 07.10.2021. https://riafan.ru/23138018-olimpiiskii_chempion_iz_dagestana_izvinilsya_za_zemlyakov_izbivshih_muzhchinu_v_metro
- Брат Исмаилова 2021 – Брат Исмаилова про драку дагестанцев в московском метро: “Они поступили как звери, неважно какой нации” // Sports.ru. 11.10.2021. <https://www.sports.ru/boxing/1102047822-brat-ismailova-pro-draku-dagestanczev-v-moskovskom-metro-oni-postupili.html>
- Дагестанский боец 2021 – Дагестанский боец Маликов про избиение мужчины в метро: “Найти ребят, которые ведут себя как животные, можно в любой национальности” // Sports.ru. 07.10.2021. <https://www.sports.ru/boxing/1101918860-dagestanskij-boecz-malikov-pro-izbienie-muzhchiny-v-metro-najti-rebyat.html>
- Раджабов 2016 – Раджабов Р. Реакция дагестанцев на инцидент в Калмыкии: от осуждения к осмыслению // ИА REGNUM. 12.04.2016. <https://regnum.ru/news/society/2116322.html>
- Пользователи соцсети поспорили 2021 – Пользователи соцсети поспорили об искренности извинений танцора лезгинки в Дербенте // Кавказский Узел. 17.05.2021. <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/363979> (Общество с ограниченной ответственностью “МЕМО” (издание Кавказский узел) 08.10.2021 внесено в реестр «Средства массовой информации, признанные “иностранными агентами”»).
- Извинения за развратный показ 2021 – Извинения за развратный показ мод в Аварском театре // ТУТ ДАГЕСТАН. 25.05.2021. <https://www.youtube.com/watch?v=evazwdAQrws>
- Блогер извинился 2021 – Блогер извинился за фото с не совсем одетыми девушками в Дагестане // ВКонтакте. 30.06.2021. <https://yandex.ru/video/preview/1240968595088172604>
- Лисицына 2021 – Лисицына В. Россиянки устроили фотосессию топлес у каньона в Дагестане и оскорбили верующих // Lenta.Ru. 19.05.2021. https://lenta.ru/news/2021/04/19/dagestan_photo

Научная литература

- Гофман Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу / Под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009.
- Колядов Д.М. Прагматика оскорбления: интеракционный подход к унижению чести и достоинства // Acta Linguistica Petropolitana. 2019. № 15 (1). С. 164–183.
- Капустина Е.Л. Больше, чем танец: лезгинка как социальное действие в постсоветской России // Experto crede Alberto: сборник статей к 70-летию Альберта Кашфулловича Байбурина / Ред. А. Пиир, М. Пироговская. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. С. 177–194.
- Капустина Е.Л. Интернет-коммуникация и транслокальная миграция: случай Дагестана // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2020. № 3. С. 26–51.
- Карпенко О. Языковые игры с “гостями с юга”: “кавказцы” в российской демо-

- кратической прессе 1997–1999 гг. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 162–192.
- Карпов Ю.Ю.* Личность и традиционные социальные институты: принципы взаимодействия // Северный Кавказ: человек в системе социокультурных связей / Отв. ред. Ю.Ю. Карпов. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. С. 107–167.
- Карпов Ю.Ю.* Взгляд на горцев. Взгляд с гор: мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007.
- Лугуев С.А.* Культура поведения и этикет дагестанцев (XIX – начало XX вв.). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006.
- Лугуев С.А., Абдурахманов А.Ш.* Обычай примирения кровников в Дагестане (XIX – начало XX века) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: общественные науки. 2009. № 6 (154). С. 41–43.
- Панченко А.А.* “Трясуны”: дисциплинарное общество, политическая полиция и судьбы пятидесятничества в России // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 223–255.
- Поляков С.И.* Борцовская маскулинность в Дагестане как локальная гегемония // Социологические исследования. 2021. № 10 (47). С. 116–124.
- Солоненко М.В.* Борцы за власть: спортивные сообщества и их роль в политической жизни Дагестана // Общество как объект и субъект власти: очерки политической антропологии Кавказа / Под ред. Ю.Ю. Карпова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2012. С. 91–110.
- Хархордин О.В.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб., М.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002.
- Barkan E., Karn A. (eds.)* Taking Wrongs Seriously. Stanford: Stanford University Press, 2006.
- Bernstein A.* Caution, Religion! Iconoclasm, Secularism, and Ways of Seeing in Post-Soviet Art Wars // Public Culture. 2014. Vol. 26 (3). P. 419–448.
- Brooks R.L. (ed.)* When Sorry Isn't Enough: The Controversy Over Apologies and Reparations for Human Injustice. N.Y.: New York University Press, 1999.
- Drew P., Hepburn A., Margutti P., Galatolo R.* Introduction to the Special Issue on Apologies in Discourse // Discourse Processes. 2016. Vol. 53 (1–2). P. 1–4.
- Fassin D.* The Ethical Turn in Anthropology: Promises and Uncertainties // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2014. Vol. 4 (1). P. 429–435.
- Gibney M., Howard-Hassmann R.E., Coicaud J-M., Steiner N. (eds.)* The Age of Apology: Facing Up to the Past. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008.
- Gilmore D.D.* Anthropology of the Mediterranean Area // Annual Review of Anthropology. 1982. Vol. 11 (1). P. 175–205.
- Goffman E.* Relations in Public: Microstudies of the Public Order. N.Y.: Harper, 1971.
- Kampf Z.* Public (Non-) Apologies: The Discourse of Minimizing Responsibility // Journal of Pragmatics. 2009. Vol. 41 (11). P. 2257–2270.
- Laidlaw J.* Ethics/Morality // The Cambridge Encyclopedia of Anthropology / Eds. F. Stein et al. 2017. <http://doi.org/10.29164/17ethics>
- Lakoff R.T.* Nine Way of Looking at Apologies: The Necessity for Interdisciplinary Theory and Method in Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis / Eds. D. Schiffrin, D. Tannen, H. Hamilton. L.: Blackwell, 2001. P. 199–214.
- Nobles M. (ed.)* The Politics of Official Apologies. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Mattingly C., Throop J.* The Anthropology of Ethics and Morality // Annual Review of Anthropology. 2018. Vol. 47 (1). P. 475–492.

Tavuchis N. Mea Culpa: A Sociology of Apology and Reconciliation. Stanford: Stanford University Press, 1991.

Zigon J. Moral Breakdown and the Ethical Demand // *Anthropological Theory*. 2007. Vol. 7 (2). P. 131–150.

Research Article

Kapustina, E.L., and E.A. Khonineva. The “Sorrystan”: Public Apologies and Moral Order in Today’s Dagestan [“Izvinistan”: publichnye izvineniia i moral’nyi poriadok v sovremennom Dagestane]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 2, pp. 111–133. <https://doi.org/10.31857/S0869541523020069> EDN: QWNLUT ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Ekaterina Kapustina | <http://orcid.org/0000-0002-7024-0072> | parlel@mail.ru | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Ekaterina Khonineva | <http://orcid.org/0000-0001-9964-5375> | ekhonineva@eu.spb.ru | European University at St. Petersburg (6/1a Gagarinskaya Str., St. Petersburg, 191187, Russia)

Keywords

public apologies, sacrilege, social media, anthropology of morality, collective responsibility, offense to religious sensitivities

Abstract

The article deals with the moral implications of the practice of public apologies, based on the case of modern Dagestan. Unlike most studies in linguistics and political science, in this article, we are interested not in the structure of official apologies as speech acts and the conditions of achieving their communicative effect, but rather in the variability of pictures of the moral order that may stand behind the need for public apologies in a particular cultural context, and the type of moral subject that can be constructed through such public acts. The material for the analysis included the public apologies that are relevant within Dagestani society, the apologies by Dagestani people living outside the republic, and the cases of apologies to Dagestanis themselves. The article demonstrates how the spread of the practice of public apologies has problematized the boundaries of collective responsibility in Dagestani society, the notions of the subject, its qualities and agency associated with the institution of reputation, as well as the possibility of subordination and resistance to the social structure.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 21-18-00508]

References

- Barkan, E., and A. Karn, eds. 2006. *Taking Wrongs Seriously*. Stanford: Stanford University Press.
- Bernstein, A. 2014. Caution, Religion! Iconoclasm, Secularism, and Ways of Seeing in Post-Soviet Art Wars. *Public Culture* 26 (3): 419–448.
- Brooks, R.L., ed. 1999. *When Sorry Isn’t Enough: The Controversy Over Apologies*

- and Reparations for Human Injustice*. New York: New York University Press.
- Drew, P., A. Hepburn, P. Margutti, and R. Galatolo. 2016. Introduction to the Special Issue on Apologies in Discourse. *Discourse Processes* 53 (1–2): 1–4.
- Fassin, D. 2014. The Ethical Turn in Anthropology: Promises and Uncertainties. *HAU: Journal of Ethnographic Theory* 4 (1): 429–435.
- Gibney, M., R.E. Howard-Hassmann, J-M. Coicaud, and N. Steiner, eds. 2008. *The Age of Apology: Facing Up to the Past*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Gilmore, D.D. 1982. Anthropology of the Mediterranean Area. *Annual Review of Anthropology* 11 (1): 175–205.
- Goffman, E. 2009. *Ritual vzaimodeistviia: ocherki povedeniia litsom k litsu* [Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior], edited by N.N. Bogomolova and D.A. Leontiev. Moscow: Smysl.
- Goffman, E. 1971. *Relations in Public: Microstudies of the Public Order*. New York: Harper.
- Kampf, Z. 2009. Public (Non-) Apologies: The Discourse of Minimizing Responsibility. *Journal of Pragmatics* 41 (11): 2257–2270.
- Kapustina, E.L. 2017. Bol'she, chem tanets: lezginka kak sotsial'noe deistvie v postsovetsskoi Rossii [More than a Dance: Lezginka as a Social Action in Post-Soviet Russia]. In *Experto crede Alberto: sbornik statei k 70-letiiu A.K. Baiburina* [Experto crede Alberto: Collection of Articles in Honour of the 70th Anniversary of A.K. Baiburin], edited by A. Piir and M. Pirogovskaia, 177–194. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Kapustina, E. 2020. Internet-kommunikatsiia i translokal'naia migratsiia: sluchai Dagestana [Internet-Communication and Translocal Migration: The Case of Dagestan]. *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovanii* 3: 26–51.
- Karpenko, O. 2002. Yazykovye igry s "gostiami s yuga": "kavkaztsy" v rossiiskoi demokraticheskoi presse 1997–1999 gg. [Language Games with "Guests from the South": "Caucasians" in the Russian Democratic Press 1997–1999]. In *Mul'tikulturalizm i transformatsiia postsovetsskikh obshchestv* [Multi-culturalism and the Transformation of Post Soviet Societies], edited by V.S. Malahov and V.A. Tishkov: 162–192. Moscow IEA RAN.
- Karpov, Y.Y. 2004. Lichnost' i traditsionnye sotsial'nye instituty: printsipy vzaimodeistviia [Personality and Traditional Social Institutions: Principles of Interaction]. In *Severnyi Kavkaz: chelovek v sisteme sotsiokul'turnykh svyazei* [North Caucasus: A Person in the System of Sociocultural Relations], edited by Y.Y. Karpov, 107–167. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
- Karpov, Y.Y. 2007. *Vzgliad na gortsev. Vzgliad s gor: mirovozzrencheskie aspekty kul'tury i sotsial'nyi opyt gortsev Dagestana* [A Look at the Mountaineers: View from the Mountains: Ideological Aspects of Culture and Social Experience of the Highlanders of Dagestan]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
- Kharkhordin, O.V. 2002. *Oblichat' i litsemerit': genealogiia rossiiskoi lichnosti* [Reveal and Dissimulate: A Genealogy of the Russian Personality]. St. Petersburg., Moscow: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge; Letnii sad.
- Koliadov, D.M. 2019. Pragmatika oskorbleniia: interaktsionnyi podkhod k unizheniiu chesti i dostoinstva [The Pragmatics of Insult: An Interactional Approach to Denigration of Honour and Dignity]. *Acta Linguistica Petropolitana* 15 (1): 164–183.
- Laidlaw, J. 2017. Ethics/Morality. In *The Cambridge Encyclopedia of Anthropology*, edited by F. Stein, et al. <http://doi.org/10.29164/17ethics>
- Lakoff, R.T. 2001. Nine Ways of Looking at Apologies: The Necessity for Interdisciplinary Theory and Method in Discourse Analysis. In *Handbook*

- of Discourse Analysis*, edited by D. Schiffrin, D. Tannen, and H. Hamilton, 199–214. London: Blackwell.
- Luguev, S. 2006. *Kul'tura povedeniia i etiket dagestancev (XIX – nachalo XX vv)* [Culture of Behavior and Etiquette of the Dagestanis (19th – Early 20th Centuries)]. Mahachkala: IIAE DNC RAN.
- Luguev, S.A., and A.S. Abdurakhmanov. 2009. Obychai primireniia krovnikov v Dagestane (XIX – nachalo XX veka) [Custom of Blood Feud Conciliation in Dagestan (19 – Early 20 Century)]. *Izvestiia vuzov. Severo-Kavkazskii region. Seriia: Obshchestvennye nauki* 6 (154): 41–43.
- Mattingly, C., and J. Throop. 2018. The Anthropology of Ethics and Morality. *Annual Review of Anthropology* 47 (1): 475–492.
- Nobles, M., ed. 2008. *The Politics of Official Apologies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Panchenko, A.A. 2013. “Triasuny”: distsiplinarnoe obshchestvo, politicheskaia politsiia i sud'by piatidesiatnichestva v Rossii [“Shakers”: Disciplinary Society, Political Police, and the Fate of Pentecostalism in Russia]. *Antropologicheskii forum* 18: 223–255.
- Poliakov, S.I. 2021. Bortsovskaiia maskulinnost' v Dagestane kak lokal'naia gegemoniia [Wrestler's Masculinity in Dagestan as a Local Hegemony]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 10 (47): 116–124.
- Solonenko, M.V. 2012. Bortsy za vlast': sportivnye soobshchestva i ikh rol' v politicheskoi zhizni Dagestana [Wrestlers for Power: Sports Communities and Their Role in the Political Life of Dagestan]. In *Obshchestvo kak ob'ekt i sub'ekt vlasti: ocherki politicheskoi antropologii Kavkaza* [Society as Object and Subject of Power: Essays on the Political Anthropology of the Caucasus], edited by Y.Y. Karpov, 91–110. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
- Tavuchis, N. 1991. *Mea Culpa: A Sociology of Apology and Reconciliation*. Stanford: Stanford University Press.
- Zigon, J. 2007. Moral Breakdown and the Ethical Demand. *Anthropological Theory* 7 (2): 131–150.